

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
г. Москва

* 3 ИЮЛ 1987

РА • ДОСУГ

ПРЕЖДЕ чем говорить о том, как шла работа над образом В. И. Ленина в фильме «Штрихи к портрету», мне хочется сказать о нашей театральной и кинематографической Лениниане. Теперь я могу судить о ней не со стороны, а как непосредственный участник событий.

Советская литература, драматургия и кинематография создали великолепные произведения, посвященные вождю революции. Глубокие, искренние и правдивые, они близки и понятны всем. Игра Бориса Щукина, Максима Штрауха, которым выпала честь первыми воплотить образ Ленина в кино и театре, и по сей день остается эталоном актерского мастерства.

В последнее время у нас появилось большое количество пьес, посвященных В. И. Ленину. Затрагиваются самые различные события жизни вождя революции, показывают Ленина юношей, молодым человеком, зрелым революционером. Некоторые литераторы ошибочно полагают, что важность темы искупит недостаток художественного мастерства. И эта ложная посылка жестоко мстит им. Пишут многие, играют тоже многие. А зритель нередко остается холоден и равнодушен к изображаемому.

Предложение сыграть В. И. Ленина в фильме по сценарию Михаила Шатрова чрезвычайно меня увлекло и... испугало. Мне играть Ленина! С моей характерной и довольно узнаваемой внешностью! Только на грим я тратил полтора — два часа. Работа была не только необыкновенно рискованной, но и необычайно трудной.

Знаете, что для меня, актера, важнее всего показать в образе В. И. Ленина? То, что он горел на работе, что он был одержим революцией. Его мозг перемалывал такое количество фактов, событий, дел, какое под силу только гению. Я, наверное, выскажу парадоксальную мысль, но, по-моему, сыграть гения невозможно — получаются какие-то бледные слепки. Можно показать лишь отдельные черты его характера, отдельные моменты жизни. И не случайно фильм точно назван «Штрихи к портрету».

Судя по некоторым произведениям, можно подумать, что октябрьские дни 17-го года — это какой-то марш-парад. А ведь было совсем не так! Хватало драматических и даже трагических коллизий, были и сомнения, и трудности, и поражения.

Я за то, чтобы показывать суровую и беспощадную, прекрасную и трудную правду о времени, в котором жил Ленин. Надо иметь мужество в подходе к самым сложным вопросам истории трезво и смело их оценивать.

В связи с тем, что я сказал выше, мне бы хотелось затронуть еще один вопрос — о соотношении правды жизни и правды искусства. Два этих понятия находятся в прямой зависимости. Художник должен показывать жизнь, как она есть, — не приукрашивая и не очерняя. И то, и другое одинаково губительно для искусства. Надо, чтобы не было лжи ни в ту, ни в другую сторону.

Человек — удивительное создание. Ему необходимо видеть в жизни доброе и прекрасное. Но не как констатацию факта, а как результат борьбы. И только как результат борьбы они, эти факторы, действуют на людей и заставляют верить в них. А мы — что скрывать — много говорим о диалектическом показе действительности, но на практике подчас исключаем диалектику из пьес и фильмов. И бываем порой прямолинейны, ну, ей-богу, как топоры: удар, еще удар — и полено в щепки.

Мы много говорим об изучении жизни. Но нередко подменяем это изучением отдельных ее моментов. А ведь знать их еще не значит осмыслить явление в целом. Знакомство с фак-

тами, как таковыми, — второстепенно.

Меня довольно часто приглашают сниматься, и я так же часто отказываюсь. В театре я обязан играть, если назначен на роль. В кино же у меня есть право выбора. Поэтому я стараюсь быть разборчивым — хочется сделать что-то новое, попробовать себя в чем-то необычном. Своими удачными работами я считаю роли инженера Бахирева («Битва в пути») и председателя колхоза Егора Трубникова («Председатель»). После выхода этих картин меня многие спрашивали, изучал ли я заводское производство,

таваться только одно: в меру своих сил и способностей жить в ритме сегодняшней жизни, болеть душой за происходящее вокруг.

**

Перечитал я интервью, которое дал корреспонденту АПН почти двадцать лет назад, и стало мне грустно и тревожно.

Парадокс или историческая закономерность — уж не знаю, как правильно назвать, — в том, что все проблемы, о которых я тогда говорил, остались. К сожалению, ни одна до сих пор не решена. Правда, в 70-м году о них не принято было

Михаил УЛЬЯНОВ:

ПОСЛЕСЛОВИЕ
К ФИЛЬМУ

Этот разговор состоялся 17 лет назад, когда сериал «Штрихи к портрету В. И. Ленина», в котором Михаил Ульянов создал образ вождя Великой Октябрьской социалистической революции, готовился к показу на ТВ.

Тогда, давая интервью, актер сопроводил свою визу такими словами: «Уважаемый редактор! У меня и вам настоящая и настойчивая просьба — до выхода картины эту статью не печатать. Получится нескромно».

Зрители в ту пору не увидели этого телесериала. Теперь, когда его премьера прошла с колоссальным успехом, мы сочли себя вправе опубликовать интервью (ничего в нем не меняя), которое М. Ульянов дал корреспонденту АПН Елене Зониной.

вникал ли в сущность колхозного хозяйства? Может быть, я кое-кого разочарую, но должен ответить честно: и с тем, и с другим я знаком весьма приблизительно. И не это главное. Дух проблемы — вот что важно понять и выразить, дух проблемы, которая волнует. Работая над ролью, я прежде всего думаю, чем проблемы, затронутые в ней, заинтересуют и займут зрителя. Я должен быть убежден, что мысли и поступки моего героя заставят людей думать, заставят их ощутить жизнь по-иному. Очень важно найти в человеке человеческое — это главный мостик.

Я люблю показывать людей, которые знают, за что борются, чего хотят, чего добиваются. Но есть две роли, которые мне особенно дороги. Это Егор Трубников, о котором я уже говорил, и Митя Карамзов. Достоевский — удивительно театральный и кинематографический писатель. Он взрывает такие пласты психологии, в его образах столько страсти, столько темперамента, что ощущаешь порой свое бессилие: как это показать?

Хочу в заключение сказать еще вот что. Сейчас модно спрашивать у актеров об их хобби (весьма ходовое словечко!), рассказывать об их жизни в домашнем кругу. Лично мне безразлично, кто собирает марки, а кто ездит в выходной день на рыбалку. Мы иронизируем подчас над зарубежными журналистами за их пристрастие к закулисной жизни актеров, а сами в какой-то степени подражаем им. Ну что за польза читателю узнать, что я люблю кататься на велосипеде или ходить пешком? По-моему, никакой.

И еще: стало почти традиционным интересоваться — ваши любимые писатели? Во время работы над картиной «Братья Карамазовы» я увлекся Достоевским, перечитывал его бесчисленное количество раз. Тогда это был мой любимый писатель. Снимаясь в роли генерала Чарноты в фильме «Бег» по одноименной пьесе Михаила Булгакова, я наслаждался необычным талантом этого прекрасного художника. Когда мне поручили в театре роль Ричарда, я заново открыл для себя великого Шекспира...

Человек меняется вместе с временем, и вкусы его меняются. Неизменным должно ос-

рассуждать. И что значил мой одинокий голос? Как писал Владимир Маяковский, «голос единицы тоньше писка...». Сейчас общество поняло жизненную необходимость перемен, слова «перестройка», «демократизация», «гласность» обрели реальность. Партия обращается к народу, не боясь правды, какой бы тяжелой она ни была.

Но грусть и тревога не покидают меня от сознания, что долгие годы мы топтались на месте, ничего не решая, мало что меняя.

То, что нужны как воздух новые формы демократизации, самоуправления, — это ясно как день. И с этим никто не спорит, во всяком случае, в открытую. Но перестроить-то надо не только экономику и не только мозги, но и многие изжившие себя структуры, формы организации жизни общества. И это задача куда более сложная, здесь-то и разворачивается борьба за перестройку, за безоговорочное проведение в жизнь начатого курса. Я хочу, очень хочу, чтобы перелом наступил как можно скорее. Отдаю себе отчет, что борьба предстоит тяжелая, но верю: народ знает, как ее вести: партия помогла определить радикальные средства этой борьбы — открытость, демократизм, гласность. Именно гласность, критика и самокритика, контроль со стороны масс — гарантия здорового развития нашего общества. Перестройка без гласности в условиях социализма — все равно что жизнь без кислорода.

Душа полна надежды, что мы справимся с застойными явлениями, тормозившими нашу жизнь, одолеем их.

Мы сейчас в Театре имени Евг. Вахтангова работаем над пьесой Михаила Шатрова «Брестский мир», в которой мне поручена роль В. И. Ленина. В одной из сцен вождь революции говорит: «Нам необходимо самоуправление, самодержавие народа. Но не формальное, когда мы голосуем, а решает и проводит в жизнь далекий от интересов масс чиновник. Дадим людям право решать, и они найдут выход из любой тупиковой ситуации».

Можно ли что-нибудь добавить к этим словам?

(АПН).